

изменен. Нельзя было поступить в вуз без специального направления, резко ограничили прием лиц пролетарского происхождения. Правда, стали требовать справку об окончании школы.

В конце 20-х годов наряду с «чистками» различных организаций проводилась и «чистка» студенческих рядов. Студенты отчислялись даже с последнего курса как скрывающие свое социальное происхождение.

Что касается профессорско-преподавательского состава, то власти за отсутствием выбора до поры до времени были вынуждены терпеть прежнюю профессуру, стараясь, однако, уменьшить ее авторитет в глазах молодежи. С этой целью в 1921 г. кафедры заменились предметными комиссиями, состоявшими из научных работников и студентов в равном числе, при этом предпочтение отдавалось партийным [2].

В 1923 г. было создано Центральное бюро пролетарского студенчества при ВЦСПС, которое должно было организовать воспитательную работу среди студентов в нужном властям направлении. В научном плане на первое место ставились только те исследования, которые непосредственно могли служить практическим запросам хозяйства страны. Высшая школа должна была давать только практические навыки. Даже О. Ю. Шмидт на Первой всесоюзной конференции пролетарского студенчества в 1925 г. сказал: «Учебное заведение служит не для развития личностей (в узком смысле, как «научно-мыслищих» — Б. В.), а для снабжения их орудиями практических знаний и умением этими орудиями владеть» (цит. по статье Б. Воскобойникова [3]).

Фундаментальные науки считались отжившими и связывались с их носителями — университетскими профессорами, которые принимались за классовых врагов. Не случайно в газетной статье 1930 г. иского Е. Воронова есть ссылка на слова из «Политического завещания» Ф. Энгельса, опубликованного в нашей стране в 1922 г.: «...техники будут нашими принципиальными противниками, они будут обманывать и изменять нам, где только возможно, и нам придется применять против них террор и расстреливать их» [4]*. Автор статьи добавил: «Если

*Слова Энгельса взяты из его письма А. Бебелю от 24.10.1891, напечатанного в искаженном русском переводе с немецкого издания 1920 г. [5, с. 24-26] и переизданного в 1923 г. [6, с. 23-25]. При издании со-

Н. С. Ермолаева

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ЛЕНИНГРАДСКОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ»

В 1930 г. перестало существовать Ленинградское физико-математическое общество, созданное в 1920 г., возглавляемое Н. М. Гюнтером.

История этого события лежит в сфере взаимоотношений науки и власти, привлекающей внимание многих авторов. В частности, данной теме посвящена статья Н. Я. Виленкина [1].

Чтобы сориентироваться в обстановке, окружающей математическую жизнь Ленинграда, надо начать издалека, с 1917 г., и обратиться к политике государства в области подготовки научных кадров. Безусловно, людям, не переживавшим лично событий тех лет, трудно понять психологическую атмосферу той эпохи.

В 1918 г. в Петрограде начались превентивные аресты. Террор усилился после убийств В. Володарского и М. С. Урицкого. Среди жертв было немало профессоров и крупных специалистов высших военных и технических учебных заведений. Так, известно, что в 1918 г. в лагере «Медведь» под Новгородом находился в заключении профессор Морской академии И. Г. Бубнов (1872-1919), который был освобожден по счастливой случайности.

Сразу после революции в вузы принимали без экзаменов всех желающих старше 16 лет, и если число абитуриентов превосходило число мест, то рекомендовалось отдавать предпочтение рабочим и детям рабочих. Высшая школа стала наполняться малограмотными студентами. Вскоре этот поряток был несколько

в первые годы после Октября мы «нейтрально» относились к нейтральности, то дальше это продолжаться не может».

Большую роль в этих событиях сыграла созданная в 1918 г. Коммунистическая академия, до 1923 г. называвшаяся Социалистической, назначение которой состояло в развитии марксистской теории. В 1926 г. в ней была организована секция естественных и точных наук, возглавляемая О. Ю. Шмидтом. Членами секции стали профессор В. Ф. Каган, Н. П. Кастерин, В. А. Костицин, А. Я. Хинчин, В. Г. Фесенков. К работе секции было привлечено большое число научных сотрудников. Эта академия просуществовала до 1936 г.

В 1928 г. при Комкадемии работал кружок математиков и физиков-материалистов. Аналогичные общества были созданы и в других областях науки: общества врачей-материалистов, биологов-материалистов, статистиков-материалистов и т. д.

Доклады, которые ставились секцией математики при Академии, носили либо философско-исторический характер, либо чисто математический. Для примера назовем несколько тем докладов, заглазированных Комкадемией на 1928–1929 г. (см. [9], с. 47–49):

В. Ф. Каган. Конвенционализм и материализм в математике.

Л. А. Люстерник. Взаимоотношения между категориями качества и количества в математических науках.

Л. Г. Шнирельман. Эволюция понятия функции.

А. О. Гельфонд. Эволюция понятия интеграла.

А. Н. Колмогоров. Интуicionизм и московская школа (Н. Н. Лузина).

Л. М. Лихтенбаум. Локально-связный континуум и пространство Люстерника.

Предполагались коллоквиумы: по теории групп и ее приложениям к анализу и геометрии (О. Ю. Шмидт, Л. А. Люстерник, В. И. Гливенко, А. О. Гельфонд); по качественным методам анализа и механики (Л. М. Лихтенбаум и Л. Г. Шнирельман) и даже семинар по прикладной математике под руководством Н. Н. Лузина.

чинений К. Маркса и Ф. Энгельса перевод со временем уточнялся: так, глагол «растреливать» из [6] заменен словом «устранение» в [7, с. 365] и «устрашением» в [8, с. 163]. Слова «террор», «растрел» и «устранение» в [5] отсутствуют.

Не ясно, в какой мере осуществились намеченные планы, однако некоторые доклады повторялись на заседаниях Московского математического общества, а журналы «Естественнознание и марксизм» и «Вестник Коммунистической академии» печатали статьи московских математиков.

29 декабря 1928 г. в Ленинграде была создана математическая подсекция естественной научной секции при Научном обществе марксизма Комкадемии, которая имела к этому времени свой филиал в Ленинграде. В нее входили А. Д. Дрозд, Л. А. Лейферт, В. В. Люш, В. И. Милинский, Е. С. Рабинович и др. (всего 16 человек). Все эти лица в научном плане интереса не представляли, а некоторые из них получили знание профессоров без научных заслуг. Их работа заключалась в «собирании материалов по марксистской литературе в вопросах математики и ее методологии», чтении докладов по историко-математическим вопросам в духе марксизма, пропаганде марксистских идей в области математики и в вопросах «постановки математического образования в СССР под углом зрения пропаганды марксизма». Но они понимали, что собственными силами успеха «не достичь, а потому надо привлечь специалистов-немарксистов, в первую очередь новых академиков и профессоров вузов» [10].

Лидером такого общества в Ленинграде стал Л. А. Лейферт, доцент Ленинградского университета. Сын состоятельного отца, кажется, владельца книгоиздательства, Лейферт окончил Петербургский университет в 1909 г. Будучи студентом, перешел в православие. В 20-е годы, когда социальное происхождение имело большое значение для карьеры, Лейферт всячески подчеркивал свою «революционность», не гнушаясь при этом никакими средствами. Так, благодаря его стараниям, некоторых талантливых выпускников университета, например С. Г. Михлина, не принявших в аспирантуру. Вот еще один пример, рассказанный профессором С. Н. Нумеровым. На занятиях в университете Лейферт однажды сказал: «Вот здесь сидит Нумеров. А его дед в свое время выгнал меня из гимназии». Это было ложью, да и гимназию Лейферт окончил с серебряной медалью, но некоторые студенты делали пужные им выводы и доносили, как в случае с С. Н. Нумеровым.

Итак, к 1930 г. аполитичности властям было уже мало. Начинаясь перевыборы профессуры. Этому мероприятию посвятил

статью в «Известиях» А. Я. Вышинский, в то время бывший ректором Московского университета. Он яростно клеймил высказывания типа «наука объективна» или «Ньютон и без марксизма открыл свои законы», а профессору называл классовым врагом [11].

Принцип выборности в высшей школе заменился системой назначения, зато студенческие организации были освобождены «от административно-педагогических функций» [12]. Теперь полагалось «ректорам назначать крупных партийных организаторов, главное — стойких, пусть и менее опытных в деле высшего образования» [13, с. 57]. Кстати, в 1930 г. названия «ректор» и «декан» были заменены на «директор» и «заведующий», как на предприятиях, так как прежние означали звания, которые носили главы монашеских коллегий и настоятели монастырей — об этом поведал читателям «Известий» Вышинский [14].

Все общество, не исключая и высшую школу, должно быть пронизано идеей коллективизации, провозглашенной на XVI съезде ВКП(б). Немного позднее начали пропагандировать другой лозунг — о планировании всего и вся. Вместе с марксистской диалектикой все это начали внедрять и в математику. Газета «Ленинградская правда» в передовой статье писала: «Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам остается многое: изучить технику, овладеть наукой» [15].

В Москве главным математическим идеологом становится Э. Я. Кольман. Одна за другой в газетах и журналах появляются его статьи (см., например, [16–24], а также передовую статью в [25], где подписи автора нет, но нетрудно догадаться, что ее писал Кольман). Суть всех этих статей, как и аналогичных других авторов, состоит в следующем.

Именно математика, внешне самая аполитичная наука, являлась средоточием реакционной буржуазной философии, в том числе интуитионизма и конвенционализма. Самой реакционной является московская математическая школа, которая объявила себя вне политики. «Так говорили Васильевы, Богомоловы, Флоренские и печатали свои мистические, махрово-идеалистические сочинения; так говорили Егоровы, загавив смертельную ненависть к социалистическому строительству; так мотивировали и те математики, которые уклонились подписать воззвание к заграничным ученым по поводу вредительства» [25, с. 7].

В числе не подписавших упомянутое воззвание был и Н. Н. Лузин, на которого Кольман неоднократно, хотя и односторонне, обращал жало своей критики [18–22, 25].

Работы интуитиониста Лузина — «пустые абстракции». Это положение Кольман обосновывает на примере задачи об охлещении стержня (к работам Лузина, кстати, не имевшей отношения). При этом, по Кольману, получается, что Лузин берет «за основу континуум, из которого выбрасывает все имеющиеся рациональные ординаты точек, и таким образом получает абсолютную дискретность, еще менее применимую в действительности, чем абсолютная непрерывность» [20, с. 34]. Корень зла, мол, в том, что математики не могут диалектически понять единство прерывного и непрерывного, статического и динамического» [20, с. 34]. И вообще математика — не царяца наук, она всегда была служанкой физики, механики, химии [23, с. 6]. Математику, как и всю науку надо перестроить на марксистских началах, а выдвигание новых проблем в науке должно происходить в плановом порядке [16]. Как это сделать? Кольман дает следующий ответ.

Во-первых, математика не должна быть оторвана от практики (единство теории и практики). Во-вторых, надо оставить в математике только передовые методы, причем унифицировать их. Далее надо отказаться от формальной логики, от аксиоматики в теории вероятностей. Затем «создать на высшей основе синтез арифметики, алгебры и анализа, уничтожить разрыв между прерывностью и непрерывностью» [21].

Есть и конкретные советы: Кольман предлагает «суммировать ряды и находить корни уравнений вероятностным путем» [21]. Кроме того, «мы должны развивать математику в сторону дальнейшего уточнения качественных различий в области самого количества», а математики должны усвоить себе «действительную связь между конкретным и абстрактным». Основной путь для достижения всего этого «состоит в изучении истории развития самой науки методом Маркса–Энгельса–Ленина» [22].

Конечно, положительные примеры в нашей математике тоже есть. Кольман оценил только один: внедрение Л. А. Люстерником и Л. Г. Шнирельманом топологических методов в вариационное исчисление [22]. А вот С. А. Яновская восторгалась учебником по статистике [26] под редакцией Б. С. Ястремского

и В. И. Хотимского, в котором марксистская методология призвала авторов создать новое учение о средних, применимое для планового хозяйства [27, с. 30]. Авторы этой книги в своих публикациях по математической статистике всячески охаивали А. А. Маркова, А. А. Чупрова, Е. Е. Слуцкого, а также западных статистиков, в частности, Ч. Пирсона и его теорию корреляции.

Реорганизация науки, по Кольману, — «важнейшая задача мая в передке миллионов людей, столь четко поставленная Сталиным» [25, с. 8]. И очень негодовал Э. Я. Кольман, что не получается командовать наукой, хотя он и ему подобные и путь указали, и все условия создали, а именно: «Мы готовы подписывать договоры на соцсоревнование, делать разные декларации по поводу плановой работы» [20, с. 38].

Справедливости ради следует заметить, что порой у Кольмана были и вполне здравые высказывания, но они подавались как его личное открытие в противовес всем прочим творцам науки. В математической жизни страны в 1930–1931 гг. произошли важные изменения.

В Москве Математическое общество «исключило реакционеров (Егоров, Фиников, Алпельрот). Оно расширилось за счет аспирантуры, включило прежний научно-педагогический кружок. Теперь Общество ведет борьбу за новый президиум: Кольман, Выгодский, Хотимский, Гельфонд... и др.» [28]. В декларации инициативной группы по реорганизации математического общества с негодованием отмечалось: «На арест своего председателя [Д. Ф. Егорова — Н. Е.] Общество никак не реагировало и назначило обычное деловое заседание с докладом ближайшего соратника Егорова по институту и Обществу Финикова и исключенного только что из комсомола Куроша» [29, с. 70]. (Как известно, Д. Ф. Егоров был арестован и выслан в Казань, где в 1931 г. погиб в «спецбольнице».)

Что касается О. Ю. Шмидта, который в это время уже не возглавлял математическую секцию в Комкадемии, то его обвиняли в «неправильной идеологической позиции в отношении математики» [27, с. 38] (статья «Алгебра» в БСЭ) и в том, что многие немарксистские высказывания в печати проходили «при молчаливом покровительстве Шмидта» [30, с. 16] и т. д.

В отличие от ленинградской, столь же инициативной, группы в московскую входили талантливые математики. Они же заняли

места в редакции «Математического сборника».

События в Ленинграде развивались несколько иначе, хотя сценарий был похожим.

Группа Лейферта, ориентируясь на Кольмана, Яновскую и Выгодского, пыталась также выступать с докладами по проблемам обоснования математики, но для этого она не была достаточно компетентной и посему ограничивалась общими фразами по историко-математическим вопросам и вопросам преподавания с марксистских позиций [31]. В 1931 г. были созданы бригады (коллективизм в работе!) разного толка, в том числе и по проработке трудов профессора С. А. Богомолова и методологических установок в трудах академика В. А. Стеклова.

Первая из этих двух бригад выступила 20 мая 1931 г. на диспуте в Педагогическом институте против книги Богомолова «Эволюция геометрической мысли», о которой уже писал Кольман в 1929 г. [24], обвиняя ее автора в идеализме. Критиковалась и вся деятельность Общества ревнителей математического образования (ОРМО), неизменным председателем которого с основания Общества в 1924 г. был С. А. Богомолов. В резолюции этой дискуссии, проходившей под председательством Лейферта, Богомолову предлагалось письменно признать свои «ошибки». В результате ОРМО перестало существовать [32, с. 39–48].

Деятельность второй бригады по критике трудов В. А. Стеклова, видимо, не состоялась. Можно предполагать, что здесь имела в виду прежде всего книга Стеклова «Галилео Галилей» [33], написанная в 1920 г. и изданная в 1923 г. В этой книге, где речь шла о весьма отдаленной эпохе, Стеклов проводил достаточно прозрачную параллель между церковной властью и правящей партией, выступал против «бесилонной диалектики». Организованный выпад против Стеклова не состоялся, вероятно, потому, что академик Стеклов, скончавшийся в 1926 г., сотрудничал с советской властью и должен был служить в глазах потомков образцом лояльности. Кроме того, если критику обратить против другой книги Стеклова — «Математика и ее значение для человечества», то неизбежно будет упомянута и книга о Галилее, а привлекать к ней внимание, да еще цитировать — рискованно.

Главным своим достижением Лейферт и его группа считали работу «по расчлениению ленинградских математиков». Они не без

основания считали, что в Ленинградском университете сформировались три группы математиков. В «правую» группу входили Н. М. Гюнтер, В. И. Смирнов, Г. М. Фихтенгольц, в «левую» — упоминавшиеся уже Лейферт и Дрозд, а также Кулишер и прочие. Третья — «промежуточная» — группа состояла из «колеблющихся» И. М. Виноградова и А. М. Журавского. Видимо, такой классификации подвергались все ленинградские математики.

На более позднем этапе группа Лейферта сумела привлечь к себе Виноградова и некоторых других сильных математиков.

Кампания против председателя Ленинградского математического общества Н. М. Гюнтера была начала перед выборами в Академию наук СССР, состоявшимися в 1929 г., причем альтернативной кандидатурой в академики от ленинградских организаций был И. М. Виноградов, которого и избрали. Добавим, что еще в 1926 г., обсуждая возможных кандидатов в Академию наук на место скончавшегося Стеклова, академик Я. В. Успенский, хорошо относившийся к Гюнтеру и бывший его ближайшим соратником по Математическому обществу, писал академику А. Н. Крылову: «Я считаю наиболее сильным из них [т. е. С. Н. Бернштейна, Н. Н. Лузина, Н. М. Гюнтера и С. А. Чаплыгина — Н. Е.] с научной стороны Гюнтера, но как Вы знаете, у него есть свойства в изложении всего, что он делает, я бы сказал, портить самому себе, вследствие чего работы Н. М. оказываются неудобочитаемыми, а об их авторе складывается отчасти неправильное представление. К тому же не говорит в пользу Н. М. известная наивность его общественных выступлений, проистекающая, правда, из самых лучших побуждений. По всем этим причинам отстоять кандидатуру Гюнтера будет довольно трудно» [34, л. 1 об.].

Гюнтер и руководимое им Физико-математическое общество обвинялось в отсутствии связи с советской общественностью, в малочисленности самого общества, в отказе от внедрения диалектического материализма в математику, в том, что общество не двинулось «навстречу походу за техническими знаниями» [30, с. 37]. Значение научных работ Гюнтера всячески умалялось на диспутах и в печати, разумеется, голосовало. Общество обвинялось и в том, что «не подняло своего голоса, когда близкие, Н. М. Гюнтеру профессора — Я. Д. Тamarin, А. С. Безикович,

а в самое последнее время бывший академик Я. В. Успенский, игравший видную роль в Обществе, один за другим эмигрировали» [30, с. 37].

Ситуация обострилась на Первом всесоюзном съезде математиков, проходившем в Харькове 24–29 июня 1930 г., когда московские и ленинградские математики-материалисты требовали послать приветствие проходившему в то же время XVI съезду партии. Академик С. Н. Бернштейн, Д. Ф. Егоров, Н. М. Гюнтер и некоторые другие математики считали такой акт неуместным и ненужным. Приветствие, видимо, так и не было отправлено, иначе бы в брошюре [30], о которой еще пойдет речь, компания Лейферта не писала бы только о своей борьбе за приветствие. (По сведениям, полученным от члена-корреспондента АН Украины А. Н. Боголюбова, после съезда С. Н. Бернштейн, опасаясь ареста, вынужден был уехать из Харькова). Зато на следующем съезде в Ленинграде в 1934 г. все нужные телеграммы с приветствиями были посланы — иное было уже немислимо.

Продолжать, как прежде, работу Ленинградского математического общества в такой моральной обстановке было весьма опасно, а потому, по совету В. И. Смирнова, Общество без всяких объявлений прекратило свою деятельность осенью 1930 г. [35, с. 6].

Однако год 1930–1931 — год «великого перелома» — продолжался. Научное общество марксистов объединилось с обществом воинствующих материалистов-диалектиков, а затем в сентябре 1930 г. из него выделилось Общество математиков-материалистов при Ленинградском отделении Коммунистической академии, причем Лейферт стал его председателем. Общество получало конкретные инструкции не только от партийного руководства, но и от Колымана, специально приезжавшего в Ленинград и 21 марта 1931 г. выступившего с докладом; другой его доклад 27 апреля 1931 г. был опубликован [21]. Приезжали в Ленинград с установочными докладами Яновская и Хотимский.

Новому Обществу срочно требовались участники, и их в массовом порядке вербовали, так что к ноябрю 1931 г. их было уже 88 человек, преимущественно аспирантов. Из известных в математических кругах лиц назовем Г. М. Голузина, Б. М. Делоне, Л. В. Канторовича, Н. М. Кояловича, В. И. Крылова, И. Ф. Лохи-

на, И. П. Натансона, Б. И. Сегала, В. А. Тартаковского, Д. К. Фадеева, Г. М. Фиктенгольца.

Можно полагать, что молодежь частично была привлечена желанием революционных перемен в математике, частично была вынуждена вступить в Общество, раз так надо и все вступают. Преподавательские кадры, вероятно, справедливо считали, что в случае бойкотирования они будут отстранены от работы. Впро- чем, причины у них могли быть разными.

Новое общество, как уже говорилось, было заинтересовано в «массовости». Единственным математиком, предварительная записка которого о приеме его в члены этого общества была отклонена «ввиду неясности позиции, занимаемой подающим в настоящее время» [36], был доцент, позднее профессор Ленинградского университета О. К. Житомирский. В этой записке он писал: «Желаю принять участие в **положительной** работе общества, прошу принять меня в состав членов» [37].

30 марта 1931 г. «инициативная группа» математиков, часть которых ранее была членами Ленинградского физико-математического общества, выступила с декларацией своей ак- тивной в духе времени позиции и заявила о создании Ленин- градского отделения Математического общества РСФСР. (Поя- ним, что предполагалась организация Республиканского мате- матического общества или, как его называли, «широкого обще- ства» [30, с. 36–38]. Однако эта гигантская организация ока- залась нежизнеспособной.) Декларацию подписали: академик И. М. Виноградов, профессора и научные работники Б. Н. Дело- не, А. В. Дыман, Л. В. Канторович, Д. К. Кноль, А. Р. Кулишер, Э. Э. Лебедев, И. Ф. Лохин, В. В. Люш, Б. И. Сегал, И. А. Скопин, В. А. Тартаковский, Г. М. Фиктенгольц.

В конце 1931 г. вышла в свет брошюра «На Ленинград- ском математическом фронте» [30], подготовленная Обществом математиков-материалистов. Вступительная статья с таким же названием анонимна, но написана явно не без влияния, а может быть, и участия Кольмана. Что касается заголовка, то он стан- дартен для того времени: повсюду были различные «фронты» — технический, медицинский, культурный, хозяйственный и т. д.

В брошюре описывалось положение на «ленинградском мате- матическом фронте» с историческим экскурсом, определялись

новые задачи Математического общества и приводились до- кументы: декларация и проект устава Общества математиков-материалистов, декларация инициативной группы по реоргани- зации Ленинградского физико-математического общества и не- которые другие, в том числе письмо Н. М. Гюнтера в редакцию газеты «Ленинградский университет» и письмо С. А. Богомолова в редакцию газеты «За коммунистическое просвещение».

Письмо Гюнтера с признанием «ошибок» новоявленное Об- щество только приняло к сведению, почувствовав за якобы по- кайнными строками, что Гюнтер все равно остался Гюнтером.

Прошло немного времени, и вот на заседании партийно-комсомольской фракции Общества математиков-материалистов 21 февраля 1932 г. собравшиеся с изумлением узнали, что Л. А. Лейферт снят со всех руководящих постов за то, что только «прикрывался диалектическим материализмом», проводя «по- верхностную критику установки буржуазных математиков», что им «в самом толковании диамата допущены грубейшие ошиб- ки», что по существу «никакой работы не было, за исключением брошюры «На Ленинградском математическом фронте», которая по своему содержанию представляет весьма скудную в идеоло- гическом отношении почву», а также за допущение «левацких загибов» и за то, что «борьба с буржуазно-реакционной частью профессоров носила декларативный характер» [38].

Оказывается, Лейферт был снят директором и партийной ячейкой Института естествознания при Ленинградском Отде- лении Комкадемии, где он работал по совместительству так же, как и в Педагогическом институте. Директорат поставил во- прос и о дальнейшем существовании Общества математиков-материалистов. Тем не менее, на следующем заседании 1 марта 1932 г. фракция, согласившись со снятием Лейферта, решила продолжить свою деятельность и выбрала своим председателем Е. С. Рабиновича.

Снова стали составляться планы, снова говорилось о партий- ности в истории математики, а критика шла уже в адрес Мо- сковской математической школы. Но, видимо, поступили новые инструкции, и 19 мая 1932 г. Е. С. Рабинович заявил о слиянии Общества математиков-материалистов с «широким математиче- ским обществом».

Несколько слов о дальнейшей судьбе Л. А. Лейферта. Он был переведен, а точнее, выслан в университет в Ростов-на-Дону (такая мера применялась в то время часто), и ленинградские математики вздохнули с облегчением. Документальными сведениями о Лейферте после ростовского периода мы не располагаем, есть только легенды, а потому процитируем версию Н. Я. Виленкина: «В дальнейшем он поменял несколько городов и в конце 30-х годов оказался в Воронежском университете, где продолжал заниматься травлей ученых. По дошедшим до автора рассказам, Лейферт пытался преследовать известного советского геометра Н. В. Ефимова, работавшего тогда в Воронеже. Однако ночью накануне собрания, где должно было разбираться дело офицерского сына Н. В. Ефимова, Лейферт был арестован и, судя по всему, расстрелян, так как был связан с учениками Н. И. Бухарина из Коммунистической академии» [1, с. 98]. Лейферт сыграл свою роль, и властям больше не был нужен.

На Втором всесоюзном съезде математиков в 1934 г. «нужная» фразеология использовалась достаточно широко, но математики, в частности А. Н. Колмогоров, старались вложить в эти слова разумный смысл. Так, например: да, нужен коллективизм в работе — семинары, конференции, общение математических школ разных городов и т. д.

На этом кончается история «Ленинградского математического фронта». На фоне дальнейших событий в жизни страны она, может быть, кажется довольно безобидной. Но сколько сил, нервов было затрачено, сколько творческих замыслов не было реализовано — подсчетам не поддается. Есть только факт — Ленинградского математического общества в городе не стало, оно возродилось только в 1959 г.

В заключение приведем слова В. А. Стеклова из его книги «Галилео Галилей» [33, с. 98–100]:

«Здравомыслящие люди поняли, что даже практически выгоднее хотя бы молчаливо подчиниться строгим выводам точной науки, чем осмеливаться выступить против них с заведомо негодными средствами, ибо годных и быть не может, разве что перерезать всех не лишенных здравого смысла людей, как турки во времена не столь давние задумывали перерезать всех армян, справедливо видя в этом единственное средство против их паразитизма.

...С точной наукой и эта мера является средством только негодным. Род человеческий не переведется, вместо уничтоженных народов явятся новые, и часть из них наверно не без здравого смысла, по крайней мере. И тогда начнется прежняя история и по-прежнему невежество потерпит в конце концов крушение.

...Не подлежит никакому сомнению, что многие высшие представители римского духovenства отлично понимали справедливость учений Галилея и в душе были вполне на его стороне. Тем не менее принуждены были говорить против доводов, не скажу — своей совести, — совет вещь растяжимая, а своего ума, заглушить строгие веления которого, если они строгие, как в математике, невозможно. От них требовала того сторожащая партийная дисциплина той изумительной стройно организованной партии, постепенно захватившей в свои руки всю полноту власти, которая именовалась «св. католической церковью».

Эта партия, в ослеплении своем от достигнутых ею успехов, вздумала подчинить своей строжайшей дисциплине и светлый гений чистого разума! И здесь потерпела фиаско. Не сообразила, что свободный ум точного исследователя и мыслителя никаким заранее определенным и всегда неподвижным лозунгам никакой партии никогда подчиняться не может. Не было, нет и не будет такой силы, которая заставила бы его подчиниться этому требованию!

...Партия для поддержания своих интересов первостепенной важности требует лозунга: земля неподвижна. Всею силою власти заставляет ученого признать этот лозунг, грозит пытками, смертью; но ничто не помогает: одни сгорают живьем, не имея способности отказываться от противоположного лозунга, справедливость которого доказана разумом, другие издеваются над силой этой власти, обходят, обманывают ее, как Галилей и многие из друзей его, но остаются при своем, ибо от велений строгой и свободной мысли физиологически невозможно отказываться. И власть, требуя физиологически и физически невозможного, убивает рано или поздно свой собственный авторитет.

С наукой дьявольской ни в каком отношении шутить нельзя, и ее служителям должна быть предоставлена полная во всех отношениях свобода, и весь мир должен чутко прислушиваться к ее гениальным откровениям, которые проносятся над миром

из века в век поверх всяких условий данного исторического момента»

Указатель литературы

1. Виленкин Н. Я. Формулы на фанере // Природа. 1991. № 6. С. 95-104. № 7. С. 77-83.
2. Браславский И. Первое десятилетие советской высшей школы (1917-1927) // Вестник высшей школы. 1957. № 11. С. 36-45.
3. Воскобойников Б. Н. Доклады О. Ю. Шмидта о перестройке высшей школы // Истор. архив. 1961. № 6. С. 225-226.
4. Воронов Е. Интеллигенция и перевыборы советов // Известия ЦИК СССР. 1930. 20 января. № 20 (4227).
5. Engels F. Politisches Vermächtnis. Aus un veröffentlichten Briefen. Berlin, 1920.
6. Энгельс Ф. Политическое завещание. (Из неопубликованных писем.) М., 1922. То же: М., 1923.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1949. Т. 28.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. / Изд-е 2-е. М., 1965. Т. 38.
9. План работ Коммунистической Академии на 1928-1929 год. М., 1929.
10. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 107.
11. Вышинский А. Перевыборы профессуры // Известия ЦИК СССР. 1930. 3 января. № 3 (3850).
12. О подготовке технических кадров народного хозяйства // Известия ЦИК СССР. 1930. 14 января. № 14 (3861).
13. Вестник высшей школы. 1957. № 11.
14. Вышинский А. Итоги ректорского совещания // Известия ЦИК СССР. 1930. 29 января. № 28 (3875).
15. За всеобщее техническое обучение // Ленинградская правда. 1931. 6 июня. № 154 (4875).
16. Кольман Э. Только на основе марксистско-ленинской теории можно перестроить науку // Известия ЦИК СССР. 1931. 11 апреля. № 100 (4907).
17. Кольман Э. Современные задачи математиков и физиков-материалистов // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 122-130.
18. Кольман Э. Политика, экономика и... математика // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 27-40.
19. Кольман Э. На новых путях // Фронт науки и техники. 1931. № 6. С. 10-15.
20. Кольман Э. Боевые задачи науки и техники и роль Коммунистической академии // Планирование науки и задачи Комкадемии и Академии наук. М., Л., 1931. С. 26-40.
21. Кольман Э. Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции // На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М., Л., 1931. С. 203-215.
22. Кольман Э. Предисловие // Листинг И. Б. Превзвительные исследования по топологии. М., 1932.

23. Кольман Э. Математические науки — пролетарским кадрам // Математические науки пролетарским кадрам. М., Л., 1931. С. 5-8.
24. Кольман Э. Божественная эволюция геометрической мысли (по поводу книги проф. Богомолова «Эволюция геометрической мысли») // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 157-159.
25. На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М., Л., 1931.
26. Боярский А. Я., Ястремский Б. С. и др. Теория математической статистики. М., 1931.
27. За поворот на фронте естествознания. М., Л., 1931.
28. Реорганизация Московского математического общества // Математические науки пролетарским кадрам. М., Л., 1931. С. 48.
29. Декларация инициативной группы по реорганизации московского математического общества // Научный работник. 1930. № 11-13. С. 67-71.
30. На Ленинградском математическом фронте. М., Л., 1931.
31. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 225. Оп. 1. № 103.
32. Беспамятных Н. Д. Степан Александрович Богомолов. Л., 1989.
33. Стеклов В. А. Галилео Галилей. Биографический очерк. Берлин, 1923.
34. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 759. Оп. 3. № 258.
35. Вершик А. М. О ленинградском математическом обществе // Тр. Ленингр. мат. о-ва. 1990. Т. 1. С. 4-8.
36. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 263. Оп. 1. № 1.
37. Там же. Оп. 1. № 2.
38. Там же. Оп. 1. № 3.